

# «Диктатура» Ф. Н. Вишневого и децентрализм в продовольственной политике Ростовского Совета в 1918—1919 гг.

А. С. Клопов

Исторически являясь одним из центров торгового огородничества, Ростовский уезд к 1918 г. представлял собой исключительную ценность для молодой Российской советской республики. Ведь в условиях продовольственного кризиса и разрухи он оставался одним из немногих «производящих» уездов во всей «потребляющей» Центральной России.

Однако всякое богатство порождает проблему его использования. Ростовский картофель, капуста и цикорий не стали исключением, вызвав в условиях «военного коммунизма» ожесточённые споры и даже открытые столкновения между ростовскими и ярославскими властями по поводу их закупки (или реквизиции) у крестьян и дальнейшего распределения.

В 1990 г. эта тема уже становилась предметом внимания местного исследователя Г. Капитонова<sup>1</sup>. Настоящий доклад призван сделать следующий шаг в этом направлении исследований. В частности, в научный оборот вводятся обширные материалы дела 184 описи 4 фонда 17 РГАСПИ, на основе которых стало возможным составление подробной хронологической картины развития указанного конфликта.

Итак, уже в апреле 1918 г. «на основании приказа Ленина идти крестовым походом против деревенской буржуазии Ярославский губисполком отрядил в Ростов два грузовика с пулемётами, 50 пехотинцев и 15 конных <...> по картофелю»<sup>2</sup>. Необходимость подобной силовой акции ярославцы объясняли так: «Ростовский уезд по преимуществу кулацкий, картофеля там имеется до 4 миллионов пудов. Мы предполагаем взять до миллиона пудов, хотя бы даже силой, и накормить голодающий Ярославль»<sup>3</sup>.

Но эта «сила» обернулась такими беззастенчивыми разбоями, что уже вскоре окружной военный комиссар Аркадьев В. П. был вынужден вернуть этот «горе-отряд» обратно. Апрельский поход фактически провалился.

Тем не менее, всё более обострившийся к лету 1918 г. продовольственный кризис всё чаще заставлял центральные власти закрывать глаза на грабительский характер продотрядов и, в конце концов, провозгласить всеобщую продовольственную диктатуру.

<sup>1</sup> Капитонов Г. «Дело Ф. Н. Вишневого» // Время и мы: Журнал идеологического отдела Ярославского обкома КПСС. 1990. № 16. С. 10–15.

<sup>2</sup> Цит. по: Капитонов Г. «Дело Ф. Н. Вишневого». С. 10–15.

<sup>3</sup> ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 175. Л. 17, 18.

Впрочем, на пути ярославских продотрядов, действительно чинивших порой неприкрытое насилие<sup>4</sup>, встал Ростовский Совет во главе с председателем Фёдором Николаевичем Вишневым — человеком во многом неординарным и необычным для местной партийной власти.

«Работаю в Совете со дня его основания в марте 1917 г. На посту председателя состою с момента <...> Октябрьской революции»<sup>5</sup>, — так он писал о себе в объяснительной записке в Чрезвычайную следственную комиссию Ярославской губернии в сентябре 1918 г.

Вишневым активно участвовал в ликвидации старых органов власти и советском строительстве на территории Ростовского уезда. С февраля по июнь 1918 г. был в составе 1-го Ростовского партизанского отряда (адъютант командира Абрамовича С. И.)<sup>6</sup>.

В дни июльского мятежа в Ярославле Вишневым организован Ростовский ВРК и вскоре возглавил сразу четыре местных органа власти (уездный исполком, уком РКП (б), ЧК и совнархоз). Парируя впоследствии обвинения в узурпации власти и диктатуре, он объяснял такое совмещение важнейших должностей отсутствием опытных работников.

Основное внимание 32-летний «диктатор» уделял продовольственному вопросу. Так, он решил не ломать хозяйственный уклад уезда и обеспечить заготовку картофеля экономическими методами. Было высчитано, что среднему крестьянину выращивание картофеля обходится в 22 рубля за трёхпудовый мешок, поэтому для закупки была установлена «вольная» цена в 45 рублей за пуд. Такая цена была в три раза меньше рыночной, но зато и в три раза больше «твёрдой». В итоге, мешочничество в Ростове сократилось, а в Петроград удалось отправить более 200 вагонов картофеля.

В то же время Вишневым от имени Ростовского Совета выступил с критикой ярославских продотрядов, деятельность которых часто вела к нарушению уже налаженных поставок. «Распоряжения центра, которые вносят дезорганизацию, мы не признаём и по бандам хулиганов (говорит о продовольственных отрядах) ... будет открыт пулемётный огонь»<sup>7</sup>.

Подобная «самодеятельность» и даже угрозы не могли остаться без последствий. И уже 15 августа Народный комиссариат продовольствия по жалобе Ярославского губпродкома на «сепаратистские» действия Вишневым установил для Ростовского уезда единственную закупочную цену на картофель — всего 6 рублей за пуд.

В ответ Вишневым срочно телеграфировал В. И. Ленину о том, что крестьяне скорее сгноят картофель, нежели продадут его за бесценок. Также

---

<sup>4</sup> Например, в Ильинской волости Ростовского уезда продотряды «обирали... и спекулировали мукой, маслом; дело дошло даже до одеял, простынь, перин и т.д.». См.: ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 30. Л. 34.

<sup>5</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 184. Л. 157.

<sup>6</sup> Митина С. Н. Личный состав 1-го Ростовского партизанского отряда // СРМ. Ростов, 2009. Вып. 18. С. 229–230.

<sup>7</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 184. Л. 149.

он призвал немедленно «предать суду лиц, заставивших Наркомпрод допустить ошибку, влекущую к краху продовольственной кампании»<sup>8</sup>.

В результате Совнарком вскоре отменил твёрдую цену и вновь восстановил местную, правда, всё же сниженную до 20 рублей за пуд. А нарком А. Д. Цюрупа, указав на важность сохранения для республики ростовского овощного рынка, вообще заявил о необходимости выделения Ростова в самостоятельную продовольственную единицу.

Отныне в борьбе с «ростовской вольницей» Ярославль мог рассчитывать, пожалуй, только на свои силы. И с этой целью с сентября 1918 г. в Ростовском уезде начинают работу многочисленные губернские ревизии и инспекции. В их материалах Вишневский, чаще всего, представлял в образе эдакого царька и подкулачника: «сепаратизм ростовцев не есть ли проявление... мелкобуржуазной стихии?»<sup>9</sup>.

Основная вина Вишневого, по мнению ярославских большевиков, состояла в превышении им власти и саботаже губернских постановлений. Он, например, аннулировал договор Ярославского губпродкома с союзом ростовских огородников, что «повлекло за собой сильное продовольственное затруднение Ярославля»<sup>10</sup>. Затем он вынудил начальника железнодорожной станции Итларь под угрозой ареста разрешить вывоз с итларских складов ценного декстрина, формально принадлежащего губернскому продкому.

В вину Вишневскому ставилась и его «политическая близорукость». В частности, после левозэсеровского мятежа 6–7 июля 1918 г. в Москве он сохранил за местными левыми эсерами занимаемые ими посты. Более того, во многом с подачи именно Вишневого делегатами на IV-й губернский съезд Советов от Ростовского уезда было избрано много левых эсеров<sup>11</sup>. На этом съезде они, кстати, устроили солидный скандал, заявив о своей солидарности с политикой ЦК своей уже разогнанной и нелегальной партии.

Важнейшим пунктом в списке «преступлений» Вишневого был саботаж приказа Ярославского губвоенкома от 17 сентября 1918 г. о назначении ростов-



Ил. 1. Ф.Н. Вишневский. 1910-е гг. (Публ. по: *Очерки истории Ярославской организации КПСС. Ярославль, 1967*)

<sup>8</sup> ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 30. Л. 37 об.

<sup>9</sup> Там же. Д. 100. Л. 6.

<sup>10</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 184. Л. 129.

<sup>11</sup> Там же. Л. 112.

ским военным комиссаром К. И. Ферапонтова.

Последний, надо сказать, пользовался дурной славой. Ходили слухи, что он, будучи ещё военкомом в Рыбинске, был организатором убийства 18 августа 1918 г. видного рыбинского чекиста Н. П. Кустова. Одиозность ярославского ставленника подчёркивала и официальная формулировка его увольнения с поста Рыбинского военкома: «за превышение власти и агитацию в гарнизоне против ЧК»<sup>12</sup>.

Реакция губернских властей на категорический отказ Вишневого принять назначение Ферапонтова не заставила себя ждать — уже 29 сентября 1918 г. Ярославский губком партии принял решение об его аресте и временной замене полномочий Ростовского Совета чрезвычайным ВРК.

Во исполнение этого решения отряд из 70 красноармейцев, прибыв 2 октября в Ростов, взял под контроль все его важнейшие объекты. Город и уезд объявлялись на осадном положении, а ВРК — единственной властью. Вишневский был изолирован и подвергнут домашнему аресту.

Установив таким образом контроль над городом, ВРК назначил на 3 октября экстренное совещание в составе президиума Ростовского исполкома, укома партии, военкома и президиума ЧК. Двум членам ярославского ВРК, Иванову<sup>13</sup> и Завесову, поручалось склонить местных партийцев к признанию законности действий губернской власти и добиться принятия резолюции с осуждением Вишневого и его политики.

Впрочем, совещание сразу приобрело враждебный к ВРК характер. Звучала острая критика всей политики губернской власти и, наоборот, доказывалась правота курса Вишневого на разумную децентрализацию и соблюдение местных интересов. В итоге, секретарь совещания Василий Чувев предложил на голосование смелую резолюцию: «Ростовская группа РКП(б), во-первых, требует от губкома партии немедленного освобождения из-под ареста и возвращения к своей работе тов. Вишневого, политику которого признаёт правильной; во-вторых <...> самым категоричным образом протестует против совершенного насилия <...> над местной властью г. Ростова и уезда путём образования ВРК, а также путём введения в город вооружённой силы, с помощью которой была низвержена власть рабочей и крестьянской бедноты и разогнан руководитель рабочего движения — комитет Ростовской группы РКП(б)»<sup>14</sup>. Резолюция была принята большинством голосов (12 — за, 3 — против, 8 — воздержалось).

Совещание подходило к концу. Уже отбушевали аплодисменты по поводу принятой резолюции, а ярославцы Завесов и Иванов констатировали: «несмотря на все усилия членов ВРК поставить собрание на должную высоту, страсти всё разгорались, и, казалось, компромисс невозможен»<sup>15</sup>.

Но в дело вмешался случай. Ещё не закончился объявленный было краткий перерыв, как поступила тревожная новость: «арестованный Вишневский насиль-

<sup>12</sup> Власть Советов: Орган НКВД РСФСР. 1918. 7 ноября. № 25. С. 31.

<sup>13</sup> Он был назначен чрезвычайным комиссаром Ростовского гарнизона.

<sup>14</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 184. Л. 119–120.

<sup>15</sup> Там же. Л. 225.

но освобождён неизвестными лицами, а в городе происходит беспорядочная, провокационная стрельба»<sup>16</sup>.

Итак, конфликт обретал всё более осязаемые формы. Присутствующие на заседании члены ВРК публично телеграфировали в губернский центр о срочной (в виду боевых действий) переброске в Ростов подкреплений, а местных партийцев, бывших на заседании, настойчиво призвали осудить «мерзавцев», начавших стрельбу.

Вероятно, опасаясь эскалации конфликта, ростовцы подчинились, и взамен погромной резолюции Чуева была разработана новая — более мягкая: «Ростовская группа РКП(б) требует настоящий конфликт передать <...> в ЦК партии для разбора. Считая арест Вишневого неправильным, группа до разбора дела комиссией из центра, требует от губкома партии освобождения его, но протестует против насильственного освобождения его». Завершали резолюцию слова о необоснованности организации ВРК, поскольку «район Ростова и его уезда находится в состоянии революционного порядка и не угрожает ни с какой стороны»<sup>17</sup>. Кажется бы, в данном решении мало что изменилось. Но общий тон всё же стал не таким резким. Более того, впервые признавалось необходимым передать дело в ЦК РКП (б) и теперь всё зависело только от Москвы.

Тем временем в Ростовский уезд по распоряжению губпродкома потянулись продотряды, которым уже ничто не мешало резко увеличить вывоз овощей, закупленных по «твёрдым» ценам. Но вскоре эти масштабные поставки сократились, да и качество было низким: картофель поступал гнилым, сырым, перемешанным с землёй<sup>18</sup>.

6 октября осадное положение в Ростове было снято, а на следующий день Вишневецкий освобождён из-под домашнего ареста под подписку о невыезде за пределы города. На уездном съезде Советов, проходившем как раз в это время в Ростове, ему была устроена бурная овация.

Между тем, конфликт ярославской губернской и ростовской уездной партийных организаций, уже получивший название «Дело Вишневецкого», поступил на рассмотрение Московского областного комитета РКП(б) и областного бюро Советов. Сначала были разобраны доводы ярославского губкома РКП (б), обвинявшего Вишневецкого в следующем: «1) неподчинение партийной дисциплине; 2) нарушение партийной этики; 3) дискредитирование высшей партийной организации; 4) неподчинение высшим и центральным советским властям и неисполнение их постановлений и приказов; 5) дезорганизация и саботаж; 6) превышение власти по занимаемым должностям»<sup>19</sup>.

В ответ Вишневецкий доказывал партийному суду ошибки губернского центра, «тянувшего одеяло» на себя, а также отвергал все упреки в дезорганизации и противодействии советской власти.

<sup>16</sup> Там же. Л. 225.

<sup>17</sup> Там же. Л. 117, 120–120 об.

<sup>18</sup> ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 30. Л. 31.

<sup>19</sup> РГАСПИ. Ф.17. Оп. 4. Д. 184. Л. 130.

И как раз его аргументы были поддержаны. В постановлении партийного суда отмечалось, что со стороны Ярославля действительно были ошибки, угрожавшие не только нормальной жизни уезда, но и поставкам ростовских овощей в голодающие губернии. Роспуск местного Совета признавался грубым нарушением: «Президиум ставит это на вид Ярославскому губисполкому и рекомендует ему более осторожное отношение к подобным опасным мероприятиям»<sup>20</sup>. И хотя признавалось, что Вишневецкий иногда не подчинялся губернским директивам и совмещал должности (но не зарплаты!), его «можно охарактеризовать, как человека, несомненно, честного, преданного и очень ценного советского и партийного работника»<sup>21</sup>. Его подписка о невыезде из Ростова аннулировалась.

Во же время, ЦК РКП(б) «признало невозможным оставить [Вишневецкого] как партийного работника в Ростове во избежание дальнейших трений, предложив перемещение в Саратов»<sup>22</sup>.

Однако это соломоново решение — перевод одной из сторон конфликта в другое место — неожиданно дало сбой. В страстном письме, адресованном 24 октября в ЦК партии, Вишневецкий сетовал, что этим решением у него «отнята всякая возможность исполнять общественно-политическую работу, отнят источник энергии, дававший силы её исполнять до сих пор — вера в правильность и продуктивность её с точки зрения ЦК <...> Я вынужден был отклонить перемещение в Саратов, где нужны лишь сильные волей и верой в правильность своих действий»<sup>23</sup>. Заканчивалось письмо просьбой об исключении из партии...

Солидарность с Вишневецким выразили тогда многие известные партийцы. Так, заведующий следственным отделом ВЧК Василий Манцев в письме Свердлову указывал, что знает Вишневецкого как человека «безупречно честного. Будет большой ущерб для дела, если он уйдёт из Ростова, если уйдёт от работы»<sup>24</sup>. И... Вишневецкий был оставлен в Ростове.

Итак, межведомственный конфликт между ростовскими и ярославскими организациями так и не был разрешён окончательно, а его причины — не устранены. Ярославцы, исходя из печального опыта июльского мятежа 1918 г., продолжали заявлять о своей приверженности принципу строжайшей централизации и диктатуры в полном смысле слова.

Вишневецкому же организация советской власти виделась как демократический централизм, при котором провинция обладает большой автономией. Главная задача центра, доказывал он в своей концептуальной статье «Централизация», состоит в разработке общих директив, которые должны проводиться в жизнь управленцами нижних уровней в согласии с местными условиями. В этой связи особое раздражение у него вызывали «товарищи с мандатом» (то есть губернские инспекторы и ревизоры), «которые являясь

---

<sup>20</sup> РГАСПИ. Ф.17. Оп. 4. Д. 184. Л. 113–113 об.

<sup>21</sup> Там же. Л. 113.

<sup>22</sup> Там же. Л. 105.

<sup>23</sup> Там же. Л. 105 об.— 106.

<sup>24</sup> Там же. Л. 107.

в провинцию <...> ломают и корёжат всё просто потому, что <...> не понимают местных условий». Поэтому и трения между центром и местами он называл не сепаратизмом, а просто здравым смыслом: «когда у Центра, у партии нет громадного кадра универсально знакомых с народным хозяйством честных партийных работников, но есть хотя бы маленькие ячейки партийных работников на местах, ответственных за социалистическое строительство, — нельзя проводить лозунг ведомственной диктатуры и ведомственной централизации»<sup>25</sup>.

В то же время, сразу после октябрьской «карательной» операции ВПК некоторые ответственные посты в Ростове заняли ярославцы, зачастую не считавшие нужным вникать в местные проблемы. Так, для общего наблюдения и «коррекции» продовольственной политики в Ростовском уезде был назначен бывший председатель губпродкома Пётр Кузьмин. Он, в частности, «даже не пожелал зарегистрироваться [в местном укоме], будучи коммунистом», а также ни разу не являлся «ни на одно заседание партии». Вместо партийной работы он беспробудно пил<sup>26</sup>...

Тем временем, в ЦК РКП(б) был поднят вопрос о чистке уже самого Ярославского Совета «с намерением устранить мертвечину и канцелярщину». В Сводке о партийной жизни Ярославской губернии с ноября 1918 по январь 1919 г. отмечалось, что «средством устранения взаимоотношений, созданных между Ростовским Советом и Ярославским, является необходимость вливания новых товарищей в Ярославский Совет, что съездом в Ярославле 10 декабря и было принято»<sup>27</sup>.

В итоге, Вишневскому, как «безупречно честному» коммунисту и опытному хозяйственнику, было предложено занять пост председателя Ярославского губернского совнархоза (!) Тот в принципе соглашался, но при условии: «мы могли бы послать туда ещё <...> Кислякова, которому поручить там должность председателя губернской ЧК»<sup>28</sup>. Таким образом, две влиятельные губернские организации вполне могли возглавить ростовцы (Вишневский и его ближайший сподвижник), что внесло бы свои серьёзные коррективы во взаимоотношения Ростова и Ярославля.

Но этого так и не случилось. Г. И. Кислякову вместо должности председателя губернской ЧК предложили стать лишь рядовым её членом. Вишневский по-прежнему мог возглавить губсовнархоз, но без облечённого властью чекиста Кислякова, вероятно, не видел в этом особенного смысла. В результате приехавшие 27 декабря 1918 г. в Ярославль Кисляков и Вишневский сами отказались от предложенных им постов<sup>29</sup>.

Тем не менее, в виду полной и очевидной поддержки Вишневого со сто-

<sup>25</sup> Вишневский Ф. Н. Централизация // Известия Советов рабочих и крестьянских депутатов г. Ростова и Ростовского у. Ярославской губ. 1918. 3 декабря. № 72. С. 3.

<sup>26</sup> ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 30. Л. 21–21об.

<sup>27</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 415. Л. 86–86 об.

<sup>28</sup> ЦДНИ ЯО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

<sup>29</sup> Впрочем, впоследствии Кисляков Георгий Ильич всё же добился должности председателя Ярославской губЧК, и возглавлял её с декабря 1921 по август 1924 года.

роны Москвы, упреки в его диктаторстве и сепаратизме ярославцами были оставлены. Они сменились попытками низвергнуть авторитет Вишневого, как честного коммуниста.

Вопрос встал даже о том, что он якобы уже давно разворовывал народные деньги. Так, по материалам разного рода ярославских ревизий выяснялось, что Вишневский, ещё в феврале 1918 г. взяв на организацию отряда красноармейцев 20 000 рублей, не смог представить отчёта; при сборе контрибуций с буржуазии не выдавал квитанций<sup>30</sup>; в начале 1918 г. получал сразу два жалования (как красноармеец и почтовый служащий — всего 790 рублей), что было строжайше запрещено. Иными словами, «таким коммунистам не место в нашей партии!»<sup>31</sup>.

А в ряде номеров петроградской газеты «Коммунар» был помещён фельетон, высмеивающий продовольственную политику Вишневого<sup>32</sup>. Здесь отмечалось, что завтракал он не иначе как белым хлебом с сыром в то время, когда рабочие голодают; к посетителям относился как к попрошайкам, принимая их соответственно — сидя в котиковой шапке и чадая им в лицо папиросой. Словом, был царьком в своём Ростове Великом.

Ростовский же уком партии всё отрицал: «кроме чая в продотделе ничего не подаётся», «член исполкома Вишневский «котиковой» шапки не имеет и, вообще, во время приёма в шапке (кстати, у него имеется только папаха) не сидит»<sup>33</sup>. В отношении же финансовых недоразумений старые партийцы, например, Олимпиада Розанова, вполне поддерживали Вишневого: «мы доверяем нашим старым партийным работникам и их действиям. А госконтроль, в котором сидят старые чиновники и купцы, конечно, не будет доверять нашим работникам»<sup>34</sup>.

Тем временем, в январе 1919 г. в Ростовский уезд буквально хлынули сотни делегатов-закупщиков от рабочих Петрограда. Сюда их привлекали слухи о том, будто бы Ростов — целая «картофельная Аркадия»<sup>35</sup> — и что здесь у местных крестьян можно приобрести целые вагоны всевозможного продовольствия.

Но реальность была иной: «Ростовская группа [РКП(б)] ничего не может сделать, ибо мы, благодаря ярославской политике <...> сами, находясь у картофеля, не видим ни одной картошины. Нам самим дают по нарядам, которые не выполняются»<sup>36</sup>. Большинство рабочих-закупщиков, таким образом, было вынуждено покинуть Ростов ни с чем, поскольку нельзя было «отдавать уезд

<sup>30</sup> «Собрано было два миллиона [рублей], но кто может поручиться, что не собрано не четыре или больше миллионов?». См.: ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 100. Л. 5 об.

<sup>31</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 184. Л. 71–72 об.

<sup>32</sup> *Зарницын А.* Советские помпадурсы и помпадурчики (впечатления продовольственного страстотерпца) // *Коммунар*: Ежедневная рабочая газета. Орган ЦК РКП (б). Пг., 1919. 21 января — 7 февраля. № № 14, 25, 26, 28.

<sup>33</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 84. Л. 93 об.

<sup>34</sup> ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 100. Л. 6.

<sup>35</sup> Трагические фокусы // *Коммунар*. 1919. 11 января № 6. С. 2. Имеется в виду область в центральной гористой части полуострова Пелопоннес, сельскохозяйственное население которой пользовалось в Древней Греции славой гостеприимного и благочестивого народа.

<sup>36</sup> ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 30. Л. 33 об.—34.



на разграбление 150 делегаций организованного мешочничества, разрушая возможность весенних посевов»<sup>37</sup>.

Критическое положение в Ростове с продовольствием, в конце концов, негативно сказалась и на отношении лично к Вишневному со стороны части партийных товарищей и населения. Так, в ходе мартовских (1919 г.) «голодных бунтов» среди ростовских рабочих Вишневикий был вынужден скрываться и руководить продкомом лишь посредством доверенных лиц<sup>38</sup>.

Так или иначе, но Вишневикий, вероятно, не долго размышлял над присланной ему в начале апреля 1919 г. телеграммой Народного комиссариата продовольствия. В ней объявлялось о его переводе на ответственную работу в продорганы Донской области<sup>39</sup>.

Несомненно, это было повышением, ибо давалось понять, что страна нуждается в его опыте советского строительства. Ну, а с его отъездом гордиев узел в сложных и запутанных отношениях Ростова и Ярославля был, наконец, разрублен. Не стало человека — не стало проблемы...

Итак, некоторые выводы:

Первые годы советского строительства в Ярославской губернии были отмечены различными подходами местных партийных элит к принципу централизма и соподчинения уровней власти. В отличие от Ярославского Ростовский Совет в лице Ф. Н. Вишневого отстаивал разумный децентрализм, необходимый в условиях нехватки у губернского центра опытных работников (в результате июльского мятежа 1918 г.) и, в то же время, их наличия в уездах. Это не сепаратизм, заявлял он, а нормальная логика событий.

Возникший на этой почве межведомственный конфликт Ярославля и Ростова наиболее ярко проявился в продовольственном вопросе. Так, ярославцы действовали исключительно в директивно-приказной манере, скупая (или даже отбирая) у крестьян продовольствие по минимальным «твёрдым» ценам; ростовцы, наоборот, пытались сохранить традиционный хозяйственный уклад и добивались компромиссных цен на закупку.

Ф. Н. Вишневикий, благодаря своей активной управленческой позиции и личным связям с партийцами Петрограда и Москвы, как правило, выходил победителем в большинстве конфликтных эпизодов с губернскими властями. ЦК РКП(б) и Совнарком в подобных случаях, чаще всего, принимали сторону Ростовского Совета, заявляя о необходимости сохранения ростовского овощного рынка.

Впрочем, непрекращающийся антагонизм Ростова и Ярославля не мог не повлиять изнуряюще на нормальную жизнь Ростовского уезда. К весне 1919 г. ростовский овощной рынок был почти разрушен, а среди местного населения начались «голодные бунты». Возможно, именно по этой причине Вишневикий и был вынужден оставить Ростов и принять повышение по службе в Донскую область. Дальнейшая его судьба нам, к сожалению, неизвестна.

<sup>37</sup> Там же. Л. 37.

<sup>38</sup> Там же. Л. 61–61 об.

<sup>39</sup> Там же. Д. 165. Л. 9.